

НОВЫЕ РАБОТЫ ЧЕХОНИНА

Очерк Вс. Воинова

Сергей Васильевич Чехонин — один из виднейших художников-графиков — определился как мастер еще задолго до революции. Место Чехонина в том ярком, декоративном движении, которое выдвинуло столько замечательных художников, как Сомов, Лансерс, Билибин, Чемберс, Замирайло, Митрохин и мн. др., является весьма почетным и безусловно самостоятельным. Чехонин, несмотря на ряд влияний, которые сыграли конечно известную роль в формировании его дарования, сумел, однако, сильно их переработать; создать свой, «чехонинский» стиль. Составными элементами чехонинского стиля, в этой или иной мере, явились: искусство знаменитого английского графика Бердслея, вообще имевшего большое влияние на графику группы

«Мира искусства», к которой принадлежал Чехонин; затем он черпал вдохновение в образцах крестьянского творчества; много дало ему изучение техники и форм древне-русского искусства (иконопись), русского ампира и наконец в последние годы он применял кой-какие приемы кубистического и супрематического (беспредметного) искусства. Но никогда он не заимствовал их целиком, а всегда сильно перерабатывал. Отличительными чертами Чехонина-графика следует признать: его неизменную склонность к украшательству, которая делает многие из его работ столь пресыщенными декоративными подробностями, что в них как бы тонет основной композиционный стержень того или иного рисунка. Особенное пристрастие Чехонин имеет к цветам и растениям, вводит их почти всюду, как основной декоративный мотив; часто цветы, букеты служат темой его виньеток, росписей фарфора и миниатюр и т. п. Человеческие фигуры в рисунках и виньетках Чехонина органически связаны с орнаментальным целым, вырастая в них словно столь любимые

художником цветы. Декоративная изобретательность Чехонина, несмотря на сравнительно малое разнообразие элементов, которыми пользуется художник, положительно неисчерпаема.

В последнем отношении он особенно прославился уже в революционное время, когда стал во главе Государственного фарфорового завода, а затем завода Новгубфарфора. Советское фарфоровое производство, которое на всемирных выставках поразило своими образцами даже изысканные и пресыщенные вкусы Запада, во многом обязано таланту С. В. Чехонина.

В настоящее время художник уехал поработать и освежить свои художественные впечатления за границу. Сейчас он находится в Париже. Несколько неожиданно выступление Чехонина в качестве

театрального художника. Дарование его типично «камерное», это художник «малых форматов», и сцена, с ее особыми декоративными законами, казалось бы должна быть далека от тех плоскостных, графических задач, которые всегда стояли у него на первом месте. И действительно, в его театральных работах 1929 года эта «виньеточность», отражение принципов чисто книжной графики сказывается в полной мере. Таковы его костюмы для постановки «Сказители новгородские» для Нью-Йоркского театра миниатюр — «Летучая мышь» (для того же театра им исполнена еще одна постановка «Балет Фарфор») или для балета Немчиновой: «Мадонна». Балет этот впервые будет поставлен в Брюсселе, затем в Италии и Лондоне и лишь осенью предстанет перед судом парижской публики. Глядя на его проекты театральных костюмов, а особенно на декорации, — трудно признать в них «театральную постановку», — это те же знакомые

нам вариации его виньеток, более уместные на страницах книг, чем на театральных подмостках.

В Париже Чехонин много работает над миниатюрами, писанными на пергаменте акварелью или рисованными карандашом. Как всегда, виртуозно и тонко он передает цветы, портреты (напр. артистки Немчиновой) и т. п. В миниатюре «Танцы» он изобразил трех девушек в старинных русских костюмах и придал всей композиции характер старой миниатюры, с введением соответствующих стилизованных, декоративных деталей (снопы, цветы, деревья).

За последнее время он много работает над художественной ювелирной

„Сказители новгородские“

Эскиз декорации

Портрет балерины Немчиновой. Миниатюра на пергаменте

Цветная графика — фарфор

„Сказители новгородские“ — Эскиз костюма

В центре внимания Чехонина всегда стояла безупречная, тончайшая техника, из-под его пера, кисти или карандаша никогда не выходило вещи незавершенной, не доведенной до полного совершенства отделки. Эта черта предельной законченности в мельчайших деталях всегда была присуща Чехонину и ею объясняется, что именно миниатюра сделалась для него излюбленным видом искусства.

Чехонин, подобно многим, начал с книжной

эмалью. Этот новый для Чехонина вид техники очень его увлекает, вызывая желание по приезде домой наладить ювелирную эмаль, как производство. Устремление Чехонина к детальному изучению каждой техники, пригодной для выявления близких ему художественных задач, тяготение к техникам особенно сложным и трудным и желание их пре-

„Цветы“

Миниатюра на пергаменте

одолеть — очень для него характерно. Надо еще сказать, что Чехонина всегда привлекает массовое производство — желание сделать свои работы возможно шире доступными людям.

Не оставляет Чехонин и росписи фарфора (главным образом блюда); в этих росписях он остается верен своим старым принципам, что сохраняет в них те же достоинства и те же недостатки. К достоинствам можно отнести большую декоративную изобретательность художника и его замечательную технику; к недостаткам — графичность «книжного» порядка и не всегда отвечающий формам фарфоровых изделий характер росписи.

Количество выполненных Чехониным работ дает ему возможность выступить в Париже с самостоятельной выставкой в мае этого года.

„ТЮРЕМНЫЕ ПТИЦЫ“

Н. Бессонов

В Нью-Йорке состоялась премьера новой пьесы Уптона Синклера «Тюремные птицы», которая уже с большим успехом шла в разных странах Европы. Имя Синклера — этого смелого и талантливого борца против лжи и лицемерия «свободной» заокеанской республики — в роде бельма на глазу американской цензуры. И потому постановка его пьесы в новом Нью-Йоркском театре драматургов — большое событие. Газета «Уорлд» опубликовала письмо автора, в котором он рассказывает, при каких условиях родилась у него идея этой пьесы. Вот что он пишет:

«Недавно кто-то спросил меня, что навело меня на мысль написать пьесу «Тюремные птицы», мою пьесу о заключенных? Я ответил, что был свидетелем случая, похожего на тот, который описан в пьесе. Но это еще не все. Это еще не объясняет,

Уптон Синклер

почему случай этот произвел на меня такое впечатление, что я почувствовал необходимость перенести его на сцену.

Мне думается, что настоящая причина заключается в том, что эмоционально я всю свою жизнь провел в тюрьме. Мысль о тюрьме никогда не покидала моего мозга. Я постоянно думал о ней и размышлял, каково должно быть ощущение у заключенного. Когда я старался забыть об этом, то мои друзья напоминали мне снова о том же. У моих друзей очень дурная привычка проводить большую часть своей жизни за решеткой. Их или арестовывают за демонстрацию во время забастовки, или за произнесение речей на тему какова по их мнению должна быть наша страна. Когда они выходят на свободу, то приходят ко мне и рассказывают о своих переживаниях. Одно время ко мне совершалось регулярное наложение целого потока людей из тюрьмы с рассказами о хлебе и воде и о «третьей степени»¹. По всей вероятности, я заслушался тюремных птиц больше, чем кто-либо из живущих на земле.

Затем мне вечно грозила тюрьма из-за моих книг, и хотя судьба меня щадила, но возможность тюрьмы все же не покидала моих мыслей. Когда моя «Нефть» была запрещена в Бостоне, то я поехал туда, чтобы лично продавать мою книгу на улицах, надеясь быть лишеным свободы за протест против цензуры. Но меня снова оставили в покое.

Мои тюремные переживания это — часть эпизода, послужившего поводом для написания «Тюремных птиц». Было это в 1923 году. Сан-Педро, гавань Лос-Анжелоса, стала вдруг ареной вооруженной забастовки. Портные рабочие, организованные «Союзом индустриальных рабочих мира» («International Workmen World»), побросали работу и немедленно начали массовую демонстрацию. Их демонстрация была мирной, но полиция Сан-Педро очевидно никогда не слыхала о том, что такое верховный суд Соединенных Штатов. Она арестовала семьсот человек только за то, что те шли на улицах, и посадила их в большие клетки, очень плохо освещенные и вентилированные. Весть об этом дошла до меня, и так как я верю в то, что даже полицейские обязаны повиноваться законам, то я решил предпринять что-нибудь. Вместе с группой друзей я пошел на место, называемое «Гора свободы», встал на ящик из-под мыла и начал читать вслух Конституцию Соединенных Штатов. Меня немедленно арестовали.

Продержали меня под арестом 18 часов, и никто не знал, где я нахожусь. Жена моя чуть с ума не сошла от беспокойства. Но за это время я слушал, как семьсот человек забастовщиков, задыхаясь от недостатка воздуха, жизнерадостно распевают свои знаменитые песни и посылали проклятия полиции, шерифу, прокурору, судье, штату Калифорния и Конгрессу.

Тут-то мне и явилась мысль написать пьесу о группе лиц, настолько убежденных в возможности своего конечного триумфа, настолько смелых и отважных, что они могли стоять и петь в то время, когда они фактически задыхались от отсутствия свежего воздуха.

Песни, которые я вставил в пьесу, великолепны. Когда «Тюремные птицы» были поставлены в Европе, то в газетах стали появляться заметки, утверждавшие, что я большой поэт. Мне пришлось сообщить моим переводчикам, что песни написаны не мною. Поэтому, когда мои друзья увидят «Тюремных птиц» в постановке Нового театра драматургов, то пусть они не приписывают мне этих песен.

¹ «Третьей степенью» называется статья обвинения, по которой разрешается при предварительном допросе обвиняемого применять к нему пытку, чтобы поскорее вынудить от него признание в преступлении.

Художник
П. Шилинговский
«Армения»

КРАСНАЯ ПЛЮРМА

№ 20
Цена № 10 коп.
С приложением одного № Литературно-художественного сборника «Кр. Пам.» — 40 в.
17 мая 1929 г.

